

Сафонов Дмитрий Анатольевич

ПОВСТАНЧЕСТВО В 1920-1921 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

В статье ставится под сомнение тезис об исключительно крестьянском содержании и антикоммунистической направленности повстанческого протеста 1920-х гг. Автор полагает необходимым рассматривать повстанчество 20-х годов как самостоятельное историческое явление, тесно связанное с традиционным крестьянским протестом, но отличное от последнего по ряду позиций. Среди таковых: мобильность, более широкий круг участников, инициативное конструктивное начало в программах и лозунгах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/6-2/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(80): в 2-х ч. Ч. 2. С. 97-101. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

разбита и потеряв до 300 убитыми в том числе комгруппы Майкова, канцелярию штаба, весь обоз, 4 пулемета, перейдя железнодорогу у ст. Калмык бежала далее на юг. Командование после убитого Майкова принял командир 1-го бандитского полка Богуславский. У хутора Салтынский 12 верст юго-восточнее Калмык в открытом поле в 10 часов 17/6 банда вновь была настигнута бронеполком ВЧК и разбита. Понесены огромные потери свыше 500 человек убитыми в числе коих Комполков Беляев и Тюков бежала по тому же направлению, после чего переправились через Хопер в районе Батраков Карагочный 14-16 верст северо-западнее станицы Урюпинская, сгруппировались в лесу, что у Батраков. 16 часов 18/6 неутомимый бронеполк под личным командованием тов. Уборевича вновь настигли банду и окружили ее. Остатки банд с преобладанием комсостава, теряя последние надежды на бегство, воодушевляемые самим Богуславским с криком «ура» бросаются в бессмысленную атаку на бронемашину и почти целиком уничтожаются губительным огнем наших броневиков. Богуславский раненый в ногу по одним данным утонул в Хопре, по другим переплыл на левый берег, где вероятно был уничтожен. Немногие переправившиеся через Хопер бандиты были уничтожены здесь подоспевшей комдружиной хутора Трухтенского. В бою убито более 200 бандитов. Захвачено 200 лошадей. Много винтовок, револьверов. Точный подсчет трофеев производится.

НАЧОПЕРУПР. ВОЕНКОМ Лопатин

Список источников

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 2382. Оп. 1.
2. Рылов В. Ю. Концлагерь в монастыре // Первые церковно-исторические Митрофановские чтения ВГУ: сб. материалов / под ред. А. Ю. Минакова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2012. С. 149-182.

ANTONOV'S REBELLION IN DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVES OF VORONEZH REGION

Rylov Vladimir Yur'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Voronezh State University
vyurylov@ya.ru

The article is devoted to review of documents of the State Archives of Voronezh region about Antonov's rebellion, the Civil War and military operations in Tambov province in 1918-1922. Documents of the Headquarters of the Commander of all the Armed Forces of Tambov province, which testify to punitive policy in relation to the rebellion movement and the population, battles between the Red Army units and the armed groups of the rebels, are published for the first time.

Key words and phrases: Antonov's rebellion; archive documents; Bolshevism; punitive policy; Soviet power; rebellion movement; Tambov province.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье ставится под сомнение тезис об исключительно крестьянском содержании и антикоммунистической направленности повстанческого протеста 1920-х гг. Автор полагает необходимым рассматривать повстанчество 20-х годов как самостоятельное историческое явление, тесно связанное с традиционным крестьянским протестом, но отличное от последнего по ряду позиций. Среди таковых: мобильность, более широкий круг участников, инициативное конструктивное начало в программах и лозунгах.

Ключевые слова и фразы: повстанчество; крестьянские восстания; программы; Гражданская война; общие черты; антикоммунистические выступления.

Сафонов Дмитрий Анатольевич, д.и.н., профессор
Оренбургский государственный университет
d_safonov@mail.ru

ПОВСТАНЧЕСТВО В 1920-1921 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Когда в перестроечный период из, казалось бы, абсолютного небытия возродилась тема повстанчества начала 1920-х годов, то первые исследователи, обратившиеся к ней, столкнулись с огромными трудностями собирания крупиц информации. Тема не только на протяжении десятилетий была запретной, она была лишена источников – потенциальное информационное поле было защищено, как казалось поначалу, почти абсолютно. Те крохи сведений, которые удавалось обнаружить, были ощутимо ангажированы, и потому создание мало-мальски реальной картины происходившего оказалось невозможным без создания некоей модели повстанческого движения, позволявшей логически домысливать возникающие пробелы. В итоге утвердились – а потом получили дополнительное подтверждение – два базовых положения: 1) повстанчество есть новый качественный этап крестьянского протеста и 2) повстанчество есть всеобщая реакция крестьянства на проводимую большевиками политику «военного коммунизма».

По первому положению все кажется более чем очевидным: в стране с преобладающим крестьянским населением в условиях жестко проводимой продразверстки кто как не крестьяне могут и должны составлять главную силу сопротивления? Второе же положение есть, прежде всего, заслуга советских – сначала пропаганды, затем историографии, однозначно определявших всех несогласных в лагерь противников советской власти, а значит – коммунистов.

Положения эти в принципе приобрели всеобщий характер, разумеется, с некоторыми вариантами, уточнениями, региональными особенностями. Можно сказать и иначе: с ними специально никто не спорил и не спорит. И все же стоит указать на несколько моментов, учет которых дает основание оценить повстанчество рассматриваемого периода как нечто особое.

Начнем с положения о форме крестьянского протеста. Вопрос об участии крестьян, об их решающей роли в повстанческом движении в принципе не ставится под сомнение. Вопрос в ином: можно ли полагать повстанчество новым качественным уровнем крестьянского противостояния, его пиком? Если идти от рассуждений, то налицо массовость, организованность, активность. Но можно ли полагать его крестьянским по характеру – с присущими таковому чертами, опытом, минусами? Если протест крестьянский, то параметры его должны быть те же, что и ранее.

В лучшем случае, требования и лозунги, по логике, должны были бы быть созвучны традиционным «земле и воле». Обращение к агитационным материалам повстанцев никак не подтверждает, что все замыкается на этом. И вот теперь самый важный дополнительный вопрос: **кому** в данном случае противостояло крестьянство? Это серьезный вопрос, потому что только по получении ясного ответа на него мы получим четкое понимание – считать ли повстанчество прогрессивным шагом вперед в развитии крестьянского сознания или нет. Термин «кулацкие мятежи», установившийся в отечественной историографии, позволял вывести основную массу крестьянства из-под удара критики и сохранить схему нетронутой: прогрессивность крестьянского протеста вообще и контрреволюционность «кулацкого» протеста после прихода к власти большевиков.

Не менее уязвим и иной момент: крестьянский протест всегда един – един, разумеется, по своей сути, направленности. Но в повстанчестве 20-х годов нет этого ожидаемого единства, а, напротив, есть вариативность намерений и целей. Если рассматривать географию крестьянского протеста и его политическую окраску на местах, то наблюдается достаточно пестрая картина. На Украине армия Махно выступала под анархистскими знаменами. В Тамбовской губернии в армии Антонова было сильно эсеровское влияние. На Среднем Поволжье восстание А. Сапожкова началось под лозунгами коммунистическими. Далее на восток политическая окраска протеста вновь менялась – башкирская Красная Армия более всего выступала за национальную самостоятельность, а казачьи отряды – Голубая армия, Зеленая армия и др. – выступали за восстановление старых порядков. Лозунг «Советы без коммунистов» был широко распространен, но с различным содержанием.

Вот как раз повод перейти ко второму базовому тезису – об антибольшевистской (антикоммунистической) направленности мятежей (или повстанцев). Собственно антибольшевистским, и потому единым, данный протест сделали сами большевики – любые несогласные с ними сразу оказывались врагами. Уже в листовках и иных пропагандистских изданиях, которые большевики издавали в период повстанческих выступлений, последние однозначно определялись в контрреволюционеры – либо как кулаки, либо как эсеры, причем принадлежность к партии социалистов-революционеров, даже в прошлом, интонационно по тексту преподносилась как великая крамола. Справедливости ради укажем, что был и еще один расхожий момент псевдо-аргументации – якобы имеющиеся личные амбиции, нездоровая гордыня и т.п. у конкретных лидеров выступлений. Последнее работало в том случае, когда нужно было объяснить (создать иллюзию объяснения) переход в лагерь повстанцев лиц, не имевших неправильного происхождения и ошибочной партийной принадлежности, как это было, например, с А. Сапожковым.

На первый взгляд, серьезно различающиеся между собой идейными позициями повстанцы – от коммунистов (Сапожков) до монархистов-казаков (Зеленая Армия, Голубая Армия) – никак не могли быть объединены. Для советской пропаганды с ее крайне упрощенной (порой до вульгарности) двуполярной схемой Гражданской войны как раз проблемы не было. Получалось, что все российское общество разделилось на два лагеря, и кто не оказался в лагере революции, тот, естественно, оказался в другом.

Тем интереснее, что, несмотря на это, некоторые советские авторы даже высказывали удивление относительно того, как и почему контрреволюционеры разных взглядов тем не менее объединялись. Приведем в качестве примера сентенцию из монографии В. Григорьева «Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане». Автор, без каких-либо ссылок, сообщал, что Сапожков в августе 1920 г. аккумулировал вокруг себя все «банды низовьев Урала и Волги», проведя переговоры «на одном из дальних хуторов царьцынского Заволжья»: «Инициатором этого необычного совещания явился Сапожков. Обуреваемый невероятным тщеславием, незадачливый “главком” решил собрать под свои знамена всех, кто хотел вести борьбу с диктатурой пролетариата. Встав однажды на скользкий путь преступления, он катился по наклонной доске предательства в ту же пропасть, которая уже поглотила целые полчища белогвардейцев и интервентов. Объединение вчерашних врагов шло нелегко. Да и как могли смотреть друг на друга без ненависти левый эсер и бывший военком Красной Армии Долматов и деникинский каратель Ягупов... После долгих колебаний, оговорив свою независимость, к Сапожкову присоединился хорунжий Носаев, чья банда достигала 300 сабель» [3, с. 67-68]. Стоит указать, что ничего подобного – ни переговоров, ни объединения антикоммунистических сил, ни попыток этого – не было. Казалось бы, разумный вопрос – как же такое могло быть? – должен был возникать у тех, кому преподносились подобные легенды.

Но объединение необъединяемого в итоге произошло – в советской историографии. Двуполярная схема противостояния красных и белых была аккуратно, исподволь, дополнена моральным аспектом: красные – олицетворение добра, белые – соответственно, зла. То, что добро побеждает зло, кажется почти очевидным; а правда – она одна; а вот как раз зло может быть многоликим и враждебным добру по сути своей как бы изначально. Как это ни странно прозвучит, но научная аргументация нередко строилась именно на таких аргументах: красные победили в Гражданской войне, потому что не могли не победить – народ был за них и за коммунистическое светлое будущее; разнокалиберные контрреволюционеры ожесточенно боролись с коммунистами, поскольку не могли с ними не бороться.

И вот здесь самое время поставить еще один уместный вопрос: белые, контрреволюционеры, кулаки, мятежники и т.п. боролись с **чем**? Выступали против **чего**? Несмотря на кажущуюся очевидность и потому некоторую бессмысленность или по крайней мере бесполезность вопроса, тем не менее уточним. Партия коммунистов воевала; в частности, воевала с казачеством. Нам кажется очень показательной фраза в отчете ЦК РКП(б) за октябрь 1919 г., где говорилось, что РВС Туркфронта объявил амнистию «всем сдавшимся нашей партии оренбургским казакам» [4, с. 38] (заметим, не Красной Армии, не Советам). Но вопрос: воевали ли повстанцы с партией коммунистов? Из-за чего могла быть такая война? Один вариант ответа уже приводился выше: против сил добра. Но если рассуждать рационально, то получается, что выступить «против» возможно по нескольким мотивам: против того, что они члены коммунистической партии, против их базовых идеологических позиций, против их действий.

Первый вариант – только из-за принадлежности человека к определенной партии – достаточно нелеп. Это позднее у тех же коммунистов принадлежность к партии эсеров, например, была сродни приговору. Здесь же было иначе. Действительно, документы карателей старательно фиксировали и тиражировали случаи расправ повстанцев над коммунистами, но умалчивали о случаях присоединения последних к повстанцам. Наверное, самый впечатляющий пример – восстание «Армии Правды» А. Сапожкова в Бузулуке, которого поддержала партийная ячейка его дивизии.

Вооруженный протест против программы и лозунгов – т.е. против теории, идей – нелеп по сути и, кстати, требует знания об этой программе как минимум (программы, а не провозглашаемых в конкретных ситуациях лозунгов или действий под лозунгами).

Остается одно, последнее – протест против политики, т.е. конкретных действий. Если безоговорочно принять на веру, что члены коммунистической партии на местах однозначно и последовательно следовали во всем курсу ЦК, то противоречий нет и концы связываются воедино. Если же обратиться к фактам, то становится более чем очевидно, что все было гораздо сложнее.

Были ли на местах настоящие коммунисты? Члены партии РКП(б), обладающие партийными билетами, – да, были, но это, на наш взгляд, несколько иное. Крайне малочисленная в начале 1917 года партия в считанные месяцы резко выросла, и никак не по причине пополнения ее тысячами идейно убежденных борцов, но за счет тех, кто поспешил присоединиться к правящей партии, к властным возможностям. Мы знаем по Южному Уралу, где партийные ячейки в 1917 году возникали по собственной инициативе: просто группа самостоятельно провозглашала себя «большевиками». Идейных коммунистов – со знанием трудов и идей Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина – практически не было, и быть не могло. Для подобных «партийцев» и была создана осенью 1919 г. Н. И. Бухариным и Е. А. Преображенским знаменитая «Азбука коммунизма», долженствующая быть «первоначальным учебником коммунистической грамоты». Там все излагалось схематично и упрощенно. Идейные пробелы успешно компенсировались активностью местных партийцев, порой крайне по-своему понимавших идеи социализма, но бывших достаточно радикальными в своих решениях и мероприятиях. Вот с ними-то, с этими инициативными радикалами на местах, и сталкивались массы, они-то и олицетворяли для масс коммунистическую партию, с ними-то повстанцы и боролись. Потому и признать выступления повстанцев «антикоммунистическими» можно лишь при обязательных уточнениях и оговорках. И уж тем более никак в старую схему не вписывается уже упомянутая «Армия Правды», где ядро восстания составили члены РКП(б).

Обращение к истории повстанческих выступлений различных регионов подвигло нас на некоторые наблюдения относительно того, можно ли полагать повстанчество 20-х годов за особое явление.

Первое. В рассматриваемый период следует различать и соответственно разделять два явления: собственно повстанчество – где самой яркой характерной чертой следует полагать оторванность от конкретных населенных пунктов, привязка к которым столь характерна для крестьянских локальных выступлений, и – собственно локальные крестьянские выступления. Последние – со всеми свойственными «классическому» крестьянскому протесту чертами: лозунгами, методами протеста, организованностью и судьбой. Повстанческие же выступления – это, прежде всего, протест, находящийся в движении, выходящий и уходящий из конкретных населенных пунктов, в отличие от «классического» не находящийся в ожидании, но наступательный. Конечно, возможен вариант начала выступления в конкретном селе, а потом перерастания его в движение – вариативность не отменяет изменения сути процесса. Также можно говорить об объективной схожести позиций повстанцев и крестьянских активистов, поскольку они детерминированы были общей социально-политической и экономической обстановкой.

Второе. Количественное и качественное изменение состава участников протестов. Локальный протест напрямую связан с населенным пунктом, и абсолютное большинство его участников – односельчане, знакомые, родственники. Наличие незримых связующих нитей, свойственных деревенскому «миру», было одним из факторов, ощутило влиявших на происходящее. Повстанцы – это в массе своей крестьяне, но уже и «не крестьяне».

Происходило определенное раскрестьянивание, если понимать под этим процесс перемен в крестьянском сознании. Таковое подвергалось ощутимой и скорой деформации под воздействием сначала Мировой, затем Гражданской войн. Суть деформации, на наш взгляд, здесь можно и не уточнять, поскольку о последствиях войн специалистами написано немало. Прибавим сюда приобретенный военный опыт, военную организацию, военную дисциплину. Это наиболее ощутимо наблюдалось при повстанческих выступлениях воинских формирований. А кроме того, помимо крестьян, с ними в одном строю находились горожане, мещане, рабочие – люди со своими взглядами, представлениями, опытом, ценностями, которые также так или иначе влияли друг на друга.

Третий момент: в повстанчестве налицо конструктивное, инициативное начало. В отличие от всех предшествующих периодов, здесь мы имеем непривычно много источников из среды самих протестующих, что позволяет говорить об их взглядах не мозаично, со значительной долей домысливания по аналогии (раз «земля и воля», то вопрос о земле – тем, кто ее обрабатывает), но комплексно. Мы имеем в виду и агитационные материалы, и протоколы допросов, и иные свидетельства. Главное, что бросается в глаза, – иное мироощущение, иное видение происходящего, ощутимо выходящее за рамки локального мышления. Если крестьяне ранее поднимали голос максимум против своего помещика, то здесь возмущение никак не может ограничиться «плохим» секретарем губкома или продотрядником. Повстанцы ощутимо выходят за рамки локального мышления, свойственного крестьянским волнениям. Здесь иной уровень – общегосударственный; если речь идет о переменах, то для всех и в масштабах всего государства. Появляется глобальное мышление, осознание себя частью единого целого и борьбы в интересах всех.

При этом, как показывает весь прежний вековой опыт социального противостояния, крестьяне выступали всегда **против** чего-либо, иными словами, они лучше представляли себе, чего они точно не хотят из существующей реальности, нежели что именно они желали бы получить в итоге своего выступления. Впрочем, такова же была и революционная традиция России XIX – начала XX в., строившая всю пропагандистскую работу в массах (среди тех же крестьян) на критике отрицательных сторон действительности без детализации «светлого будущего».

Повстанцы, напротив, имели свое видение будущего; программы действий были сформулированы у каждого повстанческого объединения. Между ними были определенные различия, но гораздо важнее схожесть позиций, причем при отсутствии единого врага. Повстанцы воевали не против единой конкретной силы – коммунистов, а против любой альтернативной силы, навязывающей иную, отличную от их собственного видения, картину будущего.

Собственно, это именно коммунисты монополизировали «правильное» видение революции, сами объявили себя государственной властью с особыми правами, сами провозгласили всех несогласных врагами этой власти. Если же принять власть коммунистов как одну из многих, декларативно объявлявших себя, или хотя бы понять, что далеко не все на местах вот так сразу, априори, приняли советскую власть, да еще в коммунистическом варианте («советская власть, и вместе с ней ее мать, коммунистическая власть...» (из обращения Оренбургского предгубисполкома [2, д. 5, л. 73])), как действительно власть, имеющую на то право, то инициативность повстанцев становится очевидной.

Отсюда неизбежно вытекает четвертый момент – причины выступлений. На первый взгляд, это более чем понятно: общее недовольство продрозверсткой + субъективные факторы, связанные с лидерами (амбиции, эсерство и проч.). Но почему выступления начинались именно тогда, когда они начинались? Если говорить о крестьянском выступлении в конкретном населенном пункте, то момент начала конфликта чаще всего очевиден. С восстаниями военных частей все гораздо сложнее. Так, в ноябре 1920 г. происходит выступление крестьян с. Преображенского Орского уезда Оренбургской губернии. На подавление была направлена часть Красной Армии под командованием Охранюка. Выступление было, конечно же, вскоре, в декабре, подавлено. Один из командиров отряда восставших, Федор Мамыкин, попал в плен, затем был отправлен в Орск в ЧК, а спустя несколько недель ему удалось бежать во время перевозки из Орска в Оренбург и вернуться домой. В апреле 1921 г. командир 49 дивизиона Охранюк поднял восстание и, заняв Преображенское, провозгласил себя «командующим всеми вооруженными силами народной революционной армии» под фамилией Черский. Так Мамыкин вновь попал в руки Охранюку, только теперь последний сделал его своим адъютантом, оставшимся, кстати, с Охранюком до самого конца [1, д. 62600, л. 58 об.]. Что побудило Охранюка-Черского предпринять столь решительный шаг и в считанные месяцы из карателя стать мятежником? Совершенно нелепо объяснять все личными качествами и иными далекими от истины субъективными причинами; впрочем, как и видеть в протесте стремление покончить с коммунистами. На наш взгляд, это выступление, как и подобные ему, были не столько мстью или сведением счетов, сколько попыткой реализовать иную, как казалось, более справедливую, может быть, более рациональную, модель создаваемого нового общества.

От «крестьянской составляющей» повстанчество отделить невозможно; да и смысла в этом нет. Другое дело, что повстанчество 20-х гг. действительно является особым историческим явлением, требующим углубленного изучения без оглядки на существующие оценки и толкования.

Список источников

1. Архив УФСБ по Оренбургской области. Ф. 8003. Оп. 8.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 2404. Оп. 1.
3. Григорьев В. К. Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане (1920-1922 гг.). Алма-Ата: Казахстан, 1984. 176 с.
4. Известия ЦК РКП(б). 1919. № 9.

REBELLION MOVEMENT IN 1920-1921 AS A HISTORIC PHENOMENON

Safonov Dmitrii Anatol'evich, Doctor in History, Professor
Orenburg State University
d_safonov@mail.ru

In the article the statement about exclusively peasant content and anti-communist orientation of the rebellion protest of the 1920s is doubted. The author believes that it is necessary to consider the rebellion movement of the 1920s as an independent historic phenomenon closely associated with the traditional peasant protest, but different from the latter in a number of positions, which are mobility, a wider range of participants, and initiative constructive principles in programs and slogans.

Key words and phrases: rebellion movement; peasant rebellions; programs; The Civil War; common features; anti-communist demonstrations.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

Изученные автором публикации в русскоязычных зарубежных газетах 1921 года освещают события крестьянского восстания в Тамбовской губернии, дают представление об их восприятии в русской эмигрантской среде. На основании сопоставления зарубежных статей с публикациями в советских газетах сделан вывод о мифологизации образа А. С. Антонова как коммунистической, так и эмигрантской прессой. Показано, что эмигрантская печать разоблачила попытку коммунистических идеологов возложить ответственность за хозяйственную разруху на крестьянское восстание и лично на А. С. Антонова.

Ключевые слова и фразы: А. С. Антонов; крестьянское восстание; Тамбовская губерния; Всероссийский комитет помощи голодающим; «Воля России»; «Последние новости»; «Руль»; «Свобода».

Серeda Владимир Павлович

Литературно-художественный музей С. Денисова, г. Тамбов
vladirmuseum@rambler.ru

**РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПРЕССА 1921 ГОДА
О КРЕСТЬЯНСКОМ ВОССТАНИИ НА ТАМБОВЩИНЕ**

На фоне довольно скудного и тенденциозного освещения тамбовских событий советской прессой зарубежные публикации представляют большой интерес, поскольку позволяют увидеть эти события в том ракурсе, в каком их воспринимала большая часть современников.

Для анализа были выбраны публикации за период с марта по сентябрь 1921 года в четырёх ежедневных русскоязычных газетах. Это орган кадетов «Последние новости», выходивший в Париже под редакцией П. Н. Милокова, правокadetская газета «Руль», которую в Берлине редактировали И. В. Гессен и В. Д. Набоков, эсеровская «Воля России» под редакцией И. Давида, при участии В. М. Зензинова, В. М. Чернова и А. Ф. Керенского, выходившая в Праге, и варшавская газета «Свобода» под редакцией Б. В. Савинкова при участии Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус и Д. В. Философова.

Вполне естественно, что газеты, стремясь донести до своих читателей максимум новостей с родины, испытывали проблемы с источниками информации. «Последние новости» по этому поводу писали: «Гораздо легче, кажется, узнать, что делается в центральной Африке, чем – как живёт российская деревня после установления советского режима». Газета объясняла это не только изоляцией Советской России от всего остального мира, но и специфическими особенностями коммунистического строя [25]. Сведения о крестьянском восстании поступали, как правило, от собственных корреспондентов в Севастополе, Териоки, Риге, Ревеле, Гельсингфорсе, Копенгагене, из газет “Morning Post”, “Daily Gerald”, “Daily News”, «Рижский курьер», газеты «Владиво-Ниппо», издававшейся во Владивостоке, а также из ревельских газет «Последние известия» и «За народное дело» – без преувеличения, со всего света. При этом эмигрантская пресса пристально следила за публикациями в советских изданиях: «Известия», «Труд», «Правда», «Новый мир», «Деревенская Коммуна», «Петроградская Правда» – и использовала их, сопровождая своими комментариями.

Первое упоминание об Антонове встретилось в газете «Последние новости» от 8 марта 1921 года. Сообщалось, что Антонов возглавляет 50-тысячную армию воронежских и тамбовских крестьян и не допускает снабжения столицы продовольствием из этих губерний [24]. Появление нового народного героя вселяло оптимизм, которым поделилась с читателями газета «Руль»: «Положение советской власти совершенно безнадежно. Восстанием охвачена вся Россия, в некоторых городах, на юге от Москвы и в Поволжье большевистская власть свергнута и население расправляется с коммунистами с чрезвычайной жестокостью. Вследствие неорганизованности движения, ликвидация большевиков может ещё затянуться, но окончательный исход не вызывает ни в ком сомнений» [19]. В том же номере со ссылкой на собственного корреспондента в Ревеле газета сообщала, что на сторону тамбовских крестьян перешли красноармейцы и на подавление восставших направлены войсковые части из Москвы [23].